

МОБИЛИЗОВАННАЯ ИНТОНАЦИЯ

Галина Анатольевна Орлова

кандидат психологических наук, доцент Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), доцент Департамента социальных наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва), руководитель Обнинского цифрового проекта
e-mail: galina.orlova@ehu.lt

Аннотация. В статье описано и проанализировано исполнение идеологии мобилизационного типа через интонацию и шире – «фигуры звука» (Eidshiem). В интонационном рисунке трех женских голосов, записанных в 2008–2011 гг., автор обнаруживает сходство с интонациями политических выступлений советской эпохи. Автор показывает, как воображаемое отношение к реальным условиям существования может быть реализовано не только лексически, грамматически, синтаксически, но и через использование голоса – вокальность (Dunn, Johnes). Разделяя представления о голосе как гибридном – одновременно корпоральном и дискурсивном – феномене (Cusick, Dolar, Schlichter), автор полагает, что в исполнении идеологии у женского голоса есть своя – мелодическая – партия. Предметом специального анализа становится интонационный менеджмент – инструментальное переключение интонационных режимов в ситуации коммуникации. Стирание просодических и – шире – мелодических различий между отдельными жанрами публичной речи под натиском мобилизованной интонации интерпретируется в тексте как индикатор тоталитарной коммуникации и рассматривается как один из фоновых механизмов усиления авторитарных тенденций в обществе. Для описания режимов интонирования, разделяемых представителями социальной группы, используется понятие «интонационный фонд» (Бахтин).

Ключевые слова: (женский) голос, интонация, фигура звука, вокальность, мобилизованная интонация, исполнение идеологии, интонационный менеджмент, интонационный фонд.

Голос 1-й: исполнение идеологии

Начало этой звуковой подборке положило открытое видеообращение Белорусского республиканского союза молодежи [16]. Оно стало ответом на осуждение международным сообществом белорусских властей за разгон в декабре 2010 г. минских демонстрантов, не согласных с результатами президентских выборов. Ссылку на ролик предоставил кто-то из вильнюсских студентов, проходивших у меня курс дискурсивной аналитики. К тому времени ЕГУ, белорусский университет в изгнании, уже несколько лет работал в Литве, а ролик давно разошелся по сети, снискав создателям и исполнителям популярность, на которую они вряд ли рассчитывали. В течение 215 секунд семь юношей и четыре девушки в официальных пиджаках, вольных джемперах и блузах с бантами, разнящиеся по темпераменту, невнятности дикции и способности читать с листа, но в равной степени не умеющие работать на камеру, по очереди произносили текст, написанный кем-то, кто остался за кадром. Они упрекали ООН, ЕС и США в использовании двойных стандартов и выражали надежду на снятие международных санкций.

Ролик выложили на YouTube 30 марта 2011 г. На следующий день появилась первая пародия, а через пять дней – еще одна. Видеоряд остался без изменений. Проблематизировали, оспорили, переписали текст,

а вместе с ним – субъектность участников телемонтажа. В пародии от 1 апреля поверх оригинального звука наложили двойные титры, возвращающие подневольным комсомольцам «свой» голос: «На меня направлено дуло пистолета, и поэтому я читаю этот текст» / “I am reading this text because I am at gunpoint now” [4]. В пародии от 5 апреля вместо оригинального звука слышны гнусавые голоса людей системы – силовиков, кагэбэшников, представителей проправительственных медиа, – инспирировавших и организовавших это обращение [14]. Борьба за его значение, таким образом, развернулась вокруг голоса, определяемого не паралингвистически, а политически.

Впрочем, работа одиннадцати голосов в оригинальной озвучке была не столь уж безынтересной. Имея слишком непослушные тела и не пройдя через микрофизическое горнило муштры, участники видеообращения проявили самодеятельность при чтении официального текста, вложив в чьи-то слова свою энергию, страсть, а может, и душу. В местах, которые им казались важными, молодые люди отрывались от бумажки, пристально всматривались в камеру и делали говорящие паузы; жестко печатали фразы, отбивая такт рукой или даже двумя; повышали голос и приподнимали (или сдвигали) брови; совмещали язвительность тона с усмешкой, а назидательное покачивание указательным пальцем – с грозным растягиванием гласных.

Члены БРСМ не просто пассивно воспроизводили написанное, они корпорально и интонационно вовлекались в представление воображаемого отношения властей Республики Беларусь к реальным условиям существования, т.е. исполняли идеологию.

В монтажном ряду исполнителей выделялась девушка в строгом сером пиджаке. С нее это видеобращение началось. Только она знала текст и обходилась без бумажки, гипнотизируя камеру в течение 17 секунд своей речи. В отличие от активных участников, бурно использующих тело для спонтанной передачи политического послания, она тщательно контролировала свое тело и голос. В отличие от вялых, а потому почти неподвижных комсомольцев – совершала волевой акт: была натянута, как струна, и вкладывала в произносимые слова силу, жесткость, напор, протест, тревогу и пафос, интонационно конвертируя сказанное в публичное политическое высказывание. Это она придавала форму разношерстному множеству сотоварищей, разнообразием своих вкладов больше походящих на неумелых «Иванушек Интернешнл», чем на монолит «Синей блузы». Ее говорение не было работой человека, профессионально работающего на камеру, но в чеканном речитативе различалась дисциплина и сурово позванивающая жесть.

Аудио 1. Речь одной из участниц открытого обращения Белорусского республиканского союза молодежи

Уважаемые дамы и господа! / \ **МЫ-ы** / \, предста-вители БЕ-лорусского республ-кАнского сою-за молоде-ЖИ / \ счи-тАем необходи-МЫМ / \ обратиться к **ВА-АМ** / \ в связи с непрос-ТОЙ ситу-**Ацией** / \, >>> сложившейся / \ в междунароДных отношЕниях << / \, в **осО-бенности** / \ в отношЕнии РЕспУб-лики БеларУсь.

Девушка в сером пиджаке не просто исполняла политический текст, в самостоятельном порыве вкладывая в декламацию избыток себя. Она действовала в соответствии с правилами, отдавая свой голос – как штык или перо – власти. Все в нем – и прежде всего, интонация, ответственная за выражение воли и аффекта [Бахтин 1986а: 10–11], – было мобилизовано. Мои заметки – о ней, об идеологической мобилизации женского голоса.

Голос 2-й: строгая девушка

Мюзикл Валерия Тодоровского «Стиляги» вышел на российские экраны в 2008 г. Зажигательная стилизация московской жизни 1950-х гг., снятая в Минске, позволила (пост)историческому зрителю сократить дистанцию до тропического разноцветья субкультуры чувачков и чувих, мрачноватого экспрессионизма коммуналок и тоталитарного рэпа. Сцена, где комсорг Катя в большой университетской аудитории читает перелицовку «Скованных одной цепью», начинается с ее обличительной речи на комсомольском собрании. Серый

пиджак и знакомый речитатив, рисунок которого утрированно заострен, возвращаются:

Аудио 2. Речь комсорга Кати в мюзикле В. Тодоровского «Стиляги»

СегОдня / на повесткЕ **дня-Я** / (ясно и тща-
тельно проговаривая каждую букву) \ дело комсо-
мольца БирюкОва / \ **Мэлс, встАнь!** / \ Был совет-
ский сту-дент МЭ-элс / – те-перь перед нАми / **сти-**
лЯ-га МЭл. / \ Ка-зАлось бы /, << всего одна буква,
>> /прАв-да, / товА-рищи? / ТА-кАя мА-лость! /
\ Но давайте **вспОм-ним**, / \ **чтоО** / означает имя
МЭлс (глуше, с железом в голосе)\ **В нем** / **зашиф-**
ро-ваны / \святые для **нАс** / **имЕ-нА:** / \ МА-
Арка... \ Эн-гельс... \ ЛЕ-Енин.... \ СтА-лин.\
>>> А теперь давайте подумаем, / \ / **что** Означает \
небрежно выброшенная **им** буква «с»?

Суровый девичий голос, переходя от звонкого разоблачения к глуховатой угрозе, выбивает певуче-безжалостный ритм из фраз. Ритмическая перебивка усилена тем, что протягиваются не только ударные, но и полуударные интонационного ядра, участвующего в смысловом членении речевого потока. Само ядро скандируется громко, резко,

четко, с нажимом. Высота тона волнообразно колеблется, а то и резко скачет, нарастая к концу синтаксического периода. Звонкие согласные, стоящие перед гласными, которые попали под идеологическую раздачу, отливаются в металл. Строго говоря, меня здесь интересуют не только высота, громкость и темп – основные интонационные характеристики, – но и более общий рисунок звучания, артикуляции и голосового исполнения (включая ритм, четкость, напряженность, пафос, передаваемый мелодически). Поэтому я всерьез раздумываю о том, чтобы использовать для целостной характеристики паттернов мобилизованной вокальности¹ комплексную аналитическую единицу «фигура звука», предложенную Н. Ейдшайн [Eidshien: 4].

Евгения Брик, исполнительница роли Кати, в документальном фильме Елены Салатиной «Стиляги: фильм о фильме» (ООО «Кинодеталь», 2009) заворуженно рассказывает об особой силе и энергии власти, идущих от строгих серых костюмов. И тут же упоминает интерPELLирующую мощь коллективных действий «комсомольцев». Однако ни в фильме Салатиной, ни в интервью она не говорит об интонационных узорах речи комсорга и практике их освоения. Вот и мои попытки узнать у актрисы, знамени-

¹ Л. Данн и Н. Джонс предлагают описывать разные практики использования голоса – от говорения и пения до смеха и крика – в терминах вокальности, чтобы проще было отделять голос в его своеобразии от языка [Dunn, Johnes: 1].

лась ли она в процессе подготовки к роли с образцами советской публичной речи, не увенчались успехом.

Меж тем, этот интонационный рисунок с резким, экспрессивным повышением тона кажется узнаваемым и подпадает под предельно общее описание советского стиля публичных выступлений, данное Б. Гаспаровым [Гаспаров: 42]. Формирование этого стиля он относит к 1920-м гг. А. О. Булгакова в своей культурной истории голоса дополняет политический звуковой канон советской эпохи радиоголосами и собирает свидетельства заимствования непрофессионалами в повседневной жизни громких голосов дикторов и их тона [Булгакова: 398]. Исследовательница также отмечает – правда, уже применительно к озвучке кино – роль микрофонов и технологий записи в отборе высоких голосов и добавлении к ним металлического тембра [там же: 358]. Распространялись ли эти принципы отбора и эффекты медиализации на звучание публичных выступлений, доступных нам в старинных записях? И можно ли в столь широком звуковом диапазоне как-то локализовать мобилизованные (женские) голоса?

**Голос 3-й: число множественное,
род – женский**

В поисках ответа на этот вопрос я вслушалась в фонологическую коллекцию «Репортаж» из проекта «Аудиопедия». Проект

начинался с национального архива «Старое радио». Его создавали для сохранения эфемерного, противостояния «хаосу языка» и использования записей аудиоспектаклей, исторических аудиодокументов и памятных радиоматериалов в качестве матрицы обучения языку и сохранения нравственности [3]. «Репортаж» позиционируется внутри семейства аудиоархивов как журналистская коллекция, в которую вошли не только радиоматериалы, но и фонодокументы Главного архивного управления г. Москвы [2]. Его интерфейс устроен таким образом, что XX век разбит по клеткам-годам. Год вмещает от одной (1901 г.) до почти двух сотен (1942 г.) записей.

Советский период представлен 1542 записями, сделанными по обе стороны железного занавеса, но преимущественно в СССР. Детали трансляции, как правило, опускаются. Коллекция преимущественно мужская. 1181 единицы из 1542 – это записи единичных атрибутированных голосов мужчин, чей социальный статус подтвержден советским способом жизни. Это выступления руководителей партии и правительства, военачальников и партизан, первых космонавтов и передовых чабанов, ученых и бардов (Ленин, Орджоникидзе, Жуков, Стаханов, Гагарин, Капица, Визбор и т.д.). Есть пара дюжин мужских голосов международной солидарности и интернационализма (Димитров, Хемингуэй, Кастро). Есть небольшая коллек-

ция эмигрантских голосов (Бунин, Бродский, Довлатов, Галич).

Женские голоса составляют десятую часть (149 единиц) этой коллекции: выступает Александра Коллонтай; рапортует безымянная работница завода «Авиатор», допрашивают Теглеву, няню императорской фамилии; вспоминает снайпер Павлова; проповедует юрист Бурцева или поэт Эдита Пьеха. Первая запись в моей нестрогой подборке – обращение Коллонтай к работницам – датирована 1917 г. [11]. Нарком бросает в аудиторию густые, медленно и четко проговариваемые фразы. Использует протяжную эпическую интонацию, когда говорит о долгих веках угнетения и бесправия женщины. И только провозглашая раскрепощение, произведенное революцией, Александра Михайловна – глубоко вдохнув – перебирается в другой интонационный регистр: ускоряется, начинает говорить громче, резче, с рокошущими «р» и узнаваемой, но тогда еще наверняка новой металлической в голосе. Она не только производит разрыв между «до» и «после», но и вносит вклад в создание интонационного строя, созвучного новому миру.

Не все публичные женские голоса этот строй поддерживают. И речь идет не только о самобытных просодических мирах поэтесс. За кормой интонационной мобилизации, например, остается глухой, гнусавый и невыразительный сказ Крупской о Ленине (1930 г.) [12]. Паша Ангелина [8] и безымянная участ-

ница строительства ДнепроГЭС [20], освоившие технологическую форму новой жизни, говорят политически не обработанными голосами (1940 г., 1934 г.). А вот Лидия Сейфулина, выступающая на 1-м съезде писателей (1934 г.) [17], ивановская ткачиха Клава Сахарова (1935 г.) [5], безымянная работница завода «Авиаприбор» (1937 г.) [6], пионерка Светлана Жильцова на XI съезде комсомола (1949 г.) [18], женщина-коммунистка, говорящая о Сталине (1949 г.) [10] и, особенно, простая советская женщина М.П. Седякина, выступающая на собрании избирателей Сталинского округа (1937 г.) [22], вместе с рапортами, славословиями, речевками, рассказами о новой жизни, отчетами первопроходцев и гневным обличением врагов выкрикивают в микрофон те самые интонации.

В конце 1930-х гг. мобилизованные орут их во всю глотку, в 1960-е гг. осваивают более спокойные регистры, не теряя при этом каркаса этих звуковых фигур – чеканки и ритмической организации. Сложно сказать, что обеспечивает эти изменения – техническое оснащение публичной речи, необходимость докричаться до аудитории, степень овладения просодической формой или градус мобилизации. Создается впечатление, что не только жанр, но и эмоция – будь то гордость, счастье, осуждение или гнев – существенно не изменяют базовый интонационный рисунок описываемых здесь звуковых фигур. Речь остается рубленой, резкой, чеканной

вне зависимости от знака речевого акта, а голос снова и снова взмывает вверх к концу синтагмы и отливает металлом. Если не эмоция, то что же тогда определяет это стратегическое сходство? Быть может, воля? Воля к мобилизации¹.

Мобилизованные голоса советских мужчин и женщин из коллекции «Репортажа» невозможно спутать между собой (и в то же время они легко отделимы от эмигрантских голосов, например, Бунина и Одоевцевой). Комментируя эту сцену восприятия, я сошлюсь на Д. Питерса и его манифест вокализации. Питерс, который провозглашает голос привилегированным объектом исследований медиа (и, шире, гуманитарного знания), среди прочего утверждает, что именно здесь – в голосе – «половые различия достигают своего наиболее внятного и наиболее рутинизированного осуществления» [Peters: 88]. Однако сами различия в их вариативности, не говоря о потребности их производить, мыслятся как культурная норма

[Bladon, Henton, Pickering]. Любопытно, что по результатам сравнительного анализа, проведенного К. Джонсон на основе вторичного использования данных, которые были получены разными авторами при изучении 26 языков – от датского и греческого до корейского и языка апачей, – различие мужского и женского произношения гласных сильнее всего выражено в русском [Johnson: 379]².

Мобилизованные голоса советских мужчин и женщин из коллекции «Репортажа» сходны своим ритмическим рисунком и фирменным отбиванием окончания фраз, но различаются высотой тона, четкостью произнесения гласных и способностью заставить металл звенеть. Нарком Подвойский (1920 г.) [19] говорит глуше, чем нарком Коллонтай (1917 г.), а аноним на бухаринском процессе (1937 г.) [21] выкрикивает слова менее внятно, чем летчица Осипенко перед односельчанами (1938 г.) [15]. М. Бьеман, проводя обзор исследований, посвященных вокализации и использованию голоса мужчинами / жен-

¹ Описание советской практики идеологического интонирования в категориях воли, которую сегодня в языке социальных исследователей вытеснила агентность, оправдано дважды. Во-первых, в советской традиции изучения просодики функционал интонации, прежде всего, сравнивали с выражением воли [Артемов]. Во-вторых, воля в СССР тщательнейшим образом дискурсивно прорабатывалась и – что имеет значение для задач моего исследования – интерпретировалась в категориях интериоризованной власти. См.: Орлова Г. Между железной волей и малодушием: дискурсивное производство воли в сталинскую эпоху. Доклад на конференции «Чтения по советской культуре» (РГУ, Москва, 2008 г.). Подробнее см.: [Артемьева].

² Даже если это различие в значительной степени определяется различиями в культуре измерения (К. Джонсон использует данные, опубликованные другими авторами), оно не перестает быть любопытным.

щинами, указывает на то, что просодические различия в высоте тона и дифференцированной артикуляции гласных исследуются лингвистами чаще всего¹ и главным образом в биологическом ключе, а вот социальные основания гендерной вокализации почти не изучены и попросту игнорируются² [Viemans: 3, 34].

Своеобразие этой невидимости в какой-то степени позволяет прояснить понимание голоса, предложенное автором жижековского круга М. Доларом в одной из самых цитируемых работ по теме. Долар полагает, что «плавающий голос» – это нечто еще более поразительное, чем лакановское плавающее означающее. «Плавающим» его делает неоднозначное положение между языком и телом:

«Что общего у языка и тела, так это голос. Но это – голос, не принадлежащий ни языку, ни телу. Он проистекает из тела, но не является его частью. И он поддерживает язык, не принадлежа ему. И все же несмотря на свою парадоксальную топологию голос – единственное, что они между собой разделяют» [Dolar: 73].

Похоже, что именно это хрупкое посредничество и ускользает от взгляда гендерных и феминистских исследователей. Те из них, кто разделяет конструкционистскую платформу гендерных исследований и дискурсивной аналитики, сосредоточены на роли языка в производстве гендерной идентичности, воспроизводстве неравенства и отправлении власти [Wodak; Cameron; Coates 2015]. О голосе здесь и по соседству если и говорят, то в политико-феноменологическом ключе как о синониме агентности, аутентичности или как о месте сопротивления [Gal; Moi; Furman; Fisher]. Как следствие – корпоральный голос и политики вокализации остаются за пределами поля. Но и те авторы, кто вслед за Дж. Батлер рассматривают гендер как перформативный сплав языка и тела, аналитически не различают голос и, как следствие, не концептуализируют его. О «безголосых телах» в универсуме Батлер ярко и убедительно пишет А. Шлихтер [Schlichter: 32].

Конечно, и здесь есть свои исключения. Так, музыковед С. Кюсик, опираясь на пер-

¹ Другие характеристики голоса – в том числе его фонические возможности (то, что добавляет голосу хрипотцы, скрипучести, грубости), возможности артикуляции (четкость и различимость произношения), степень напряжения связок и другие стороны просодики (темп, громкость) – по мнению исследовательницы, получают несравнимо меньше внимания [Viemans: 22–42].

² В качестве исключения М. Бьеман приводит диссертационное исследование Тьелен (1992), посвященное влиянию профессии на стратегии вокализации женщин-менеджеров (они начинают говорить в более низкой тональности) и мужчин-медбратьев (у них все наоборот) [Viemans: 3].

формативный подход Батлер, характеризует вокализацию как социокультурную практику и рассматривает речь/пение как «формы дисциплинирования вокализованных тел»:

«Речь непостижима, если только рот не дисциплинирует звук, порождаемый дыханием, идущим наружу из глубин тела, таким образом, чтобы звук соответствовал смысловым системам, понятным во внешнем мире» [Cusick: 30].

Мобилизованная интонация требует послушного рта, а потому мои заметки должны быть дополнены – хотя сейчас, к сожалению, не будут – данными о вокальной социализации советского человека, осваивающего и разучивающего звуковые фигуры у радиотарелок и киноэкранов, на школьных линейках и собраниях, на демонстрациях и уроках пения.

Исполнение советских политических текстов женщиной-избирателем и ивановской ткачихой, чьи голоса можно найти в аудиоколлекции «Репортаж», пением не является. Но что-то мелодическое в нем есть. Там, где мужчины в порыве мобилизации переходят на крик, женщины буквально переходят на повышенный тон, растягивают гласные и довольно легко переключаются на речитатив. А. Кавареро и Х. Сиксус пишут о привилегированном праве женского голоса на пение, в котором так много ритма и тела [Cavarego: 118; Sixous: 146]. Свою привилегию женщины на трибуне реализуют через незатей-

ливую мелодику, подкрепленную сочностью, выразительностью, модуляциями, ровностью и ясностью звучания. Я заметила, что в записях из аудиоархива женский голос куда чаще, чем мужской, звучит четко и понятно (правда, мужских голосов в девять раз больше, да и включили их в коллекцию явно не за владение нужными фигурами звука). Все вместе обеспечивает убедительное и доходчивое исполнение идеологии.

Из обзора, сделанного Дж. Коэтс, можно заключить, что только очень ленивый социолингвист, равнодушный к гендерным профилям повседневной речи, не упоминал о большей аккуратности женщин, принадлежащих разным социальным и языковым мирам, в следовании речевым нормам и менее терпимом отношении к их нарушению [Coates 2013]. В выступлении белорусских комсомольцев все так и было: девушки двигались в нормативном фарватере чтения, пока юноши всю экспериментировали с формами выразительности. В развитие темы мне, однако, хотелось бы привести не лингвистический, а антропологический комментарий. В «Русских разговорах», характеризуя гендерно-маркированные жанры повседневной речи эпохи перестройки, Н. Рис писала об участии пожилых женщин, использующих специфические дискурсивные формы, в обеспечении морального контроля за соблюдением правил поведения и поддержанием традиционной системы культурных различий [Рис: 133]. Исследовательница тог-

да перевела свою находку в политический регистр – процитировала информантку, которая назвала советских женщин с их бытовым конформизмом оплотом и орудием тоталитаризма в СССР. Однако в ситуации публичного высказывания задействован другой, куда более осязаемый ресурс – молодой женский голос, переданный в распоряжение власти.

Голос 4-й: интонационный менеджмент

В марте 2008 г. физхимику из ленинградской «Техноложки» и нестигаемому коммунисту Нине Александровне Андреевой было почти семьдесят. Однако в исследовательском интервью, записанном сотрудницей Питерского «Мемориала» Татьяной Косиновой, ее голос звучит молодо. Интервью было посвящено перестройке и личному опыту (не)участия Нины Александровны в ней. В историю заключительного этапа существования СССР Андреева вошла в 1988 г. своей статьей «Не могу поступаться принципами». «Советская Россия» отвела этому материалу газетную полосу и опубликовала его под рубрикой «Письмо преподавателя ленинградского вуза»¹. В тексте было много такого, что и по горячим следам, и много позже было воспринято как публичное выражение неприятия идеологии, ценностей и дискурсивного порядка перестройки: обеспокоенность новой политикой памяти, угрожающей советскому ка-

нону, и забота о нравственном здоровье молодежи, критика Михаила Шатрова за искажение истории социализма и защита Иосифа Сталина, желание отстоять честь первопроходцев социализма и декларация классового подхода к осмыслению происходящих перемен. Нина Александровна, которую окрестили сталинисткой и сочли рупором антиперестроечного движения, требовала прояснить классовую повестку Перестройки и ответить на вопрос о месте социалистической идеологии. Она с тревогой вычерчивала карту политических сил перестройки, враждебных советскому строю, и была в набат из-за размывания критериев научной идеологии. В отличие, скажем, от белорусских салагно-вобранцев, Андреева заявила о себе как об опытным и подкованном бойце идеологического фронта.

Однако предметом моего внимания будет не столько то, что она писала в 1988 г., сколько то, как она говорила о событиях тех лет тридцать лет спустя на девятой минуте интервью:

Аудио 3. Фрагмент интервью с Н.А. Андреевой

¹ Доступ к тексту по ссылке: <http://www.agitclub.ru/gorby/homosovet/andreeva.htm>.

Но в тот вот перИод / \ мы эм всегда – мЫ, интеллигенция, в смысле\ – всегда слушали зарубежные голоса (смеется, голос теплеет, а темп речи ускоряется) >> И у нас был приемник, и мы вот с мужем часто выходили здесь вот в сквер < и слушали по приемнику вечером, в 11, в 12, вот, эм, **значит**, «**Не-мЕ-цкую** волну», э-э ВВС, «Голос Америки» и так далее << (темп замедляется). И вот тогда вот мы слушали, и меня **по-ра-зила** эм одна мысль, **котор-рая была вы́сказана в «НемЕцкой волне»** / (с нарастающим подозрением и различной жестью в голосе). Они сказа-ли / \: «О чем дУ-мает / \ **бес-сон-ны́-ми но-чАми Гор-рбА-чѐ в?** / \». \ Меня это **насторо-жи-ло** / \ . И они же сами и отве-тилИ/, \ что Горбачев дУмает о **ТОМ** /, \ как бы до **вр-ре-ме-ни** / не сказать **того**, что >>> пока сказать нельзя. Я мужу говорю (быстро, почти скороговоркой): «Ты слышишь, что они говорят? **ДЕ-лай вы́-** во-дЫ!» (сумрачным речитативом). А что он может /, **что он** / \ **не хочет сказать ПОКА до врЕ-ме-ни** / ? >> То есть эта фраза меня **очень** насторожила << . **ДА-алее** (с нарастающим пафосом). **На одном из плЕ-Ену-мов** /, \ э Гор-рба-чѐ-ѐв /, **выступа-Ая** / и **определя-Я** / **задачу перестр-рОйкИ** /, он её определил **ТА-АК: что задача перестройки состоит в ТО-ОМ** /, **что-бЫ вы́-корче-ВАТЬ ста-роЕ дЕ-реВО** /, **рас-па-ХАТЬ / зЕМ-ЛЮ**, **по-се-ЯТЬ се-ме-НА**, **вз-растить лЕс** / и \ >>> **плодЫ по-лу-ЧИТЬ** <<. Я когда **прочи--тАла** это в «**Пр-рАвде**», я говорю мужу – >>> (резкая смена тональности – с пафосной, на житейскую) а муж у меня был доктор философских наук <<< – я говорю: «Ты посмотри, **что он хОчет** делать? (далее – громче, четче, резче). **А что ОН / мОжет / выкор-рчѐ-вы-ВАТЬ** /? **ОН!** / \ (снижение тона, легкое ускорение) > Что-о он может выкорчѐвывать? Он может / **выкорчѐвывать только со-ци-А-ЛИЗМ!** / ... < **Другого он НИЧЕГО не может вы-кор-чѐ-вывать**». >>> Ну он так засомневался, потому что ему тоже – **допус-тить** (с нажимом) <<, **что ге-не-раль-ный / сек-ре-тАрь / пррА-вя-щей пАр-ти-и / ЛИ-дер стрА-ны, ЛИ-дер меж-дУ-народ-ного коммунис-тИ-чЕс-кого / двИ-же-ния / может ЧТО-ТО пРоводит в ЖИЗНЬ**, >> **не соответствующее социалистической идеологии** << – это **вообще** (пафос сохраняется, но в голосе появляются ноты личного возмущения), ну это уму **непостижимо** >>> Как во главе страны << может оказаться < **ВРА-АГ**, это если гово-, говорить своими словами. Вот¹.

¹ Интервью с Н.А. Андреевой. Часть 1. Записано 11.03.2008 г. в Санкт-Петербурге. Продолжительность 2 ч. 17 мин. 34 сек. Интервьюер Т. Косинова. Фрагмент с 8 мин. 06 сек. до 10 мин. 14 сек. используется мною с разрешения исследователя.

В отличие от обращения БРСМ или обрывков советских радиоматериалов, использованных мною в анализе, запись беседы с Ниной Александровной была продолжительной и выстроенной значительно более свободно. Жанр исследовательского интервью позволил ей выбирать и корректировать дискурсивные форматы, в том числе – через управление интонацией.

Я решила это показать. В нотационных обозначениях транскрипта помимо фиксации изменений темпа, громкости и тональности, появления чеканного слога и рокочущего «р», расстановки ударений и смысловых подчеркиваний я использовала оттенки серого, охры и терракоты для того, чтобы отобразить мены интонационного (а вместе с ним и дискурсивного) регистра высказывания. *Шкала терракоты* используется для визуализации идеологического регистра высказывания, реализованного через интонацию. Так маркирована разная по степени густоты и интонационной насыщенности политическая речь, полная все нарастающих подозрений, тревог и, наконец, негодования в отношении коварного генсека. Здесь присутствует весь арсенал интонационной мобилизации, применяемый местами с особым пафосом. Нина Александровна очень органично осваивает позицию трибуна, расширяет коммуникативное пространство высказывания и обращается к (советскому) городу и миру с политическим воззванием. У шкалы есть более темные и более светлые тона.

Через осветление в темно-розовый я постаралась передать те моменты, где базовый интонационный паттерн мобилизации дополняют частные модуляции, через которые Андреева выражает, не покидая идеологической сцены, свою оценку присходящего. Усложнение интонирования сопровождается некоторым снижением жесткости, громкости, резкости речи. *Шкала желтого* используется там, где Нина Александровна – пускай совсем мимолетно – приоткрывает дверь в миры свой повседневности, где существуют прогулки четы ленинградских интеллигентов под луной с радиоприемником под мышкой, где есть муж – философ и единомышленник, а еще – прозорливая жена, предчувствующая политические беды для всей страны. В этом интонационном мире речь ускоряется, но при этом становится более камерной и тихой. Здесь есть место для смеха и житейской интонации. Андреева в этом мире кто угодно, только не трибун. К тому же, она достаточно свободна от мобилизации для того, чтобы работать над сокращением дистанции до собеседника. Есть еще – очень точно – *шкала серого*, буфер между двумя интонационными мирами. По сравнению с двумя другими интонационными форматами она нейтральна. Это может показаться невероятным, но мена регистров и интонационных миров произошла почти дюжину раз в течение двух минут.

Моя коллега Александра Касаткина работает с позиционной теорией множественного производства «я» в дискурсе, разрабатываемой

британцем Р. Харре как раз для таких случаев. Один из создателей дискурсивной психологии полагает, что «я» можно и даже нужно рассматривать как ситуативную комбинацию правил и обязанностей (позиций), принадлежащих локальному моральному порядку. Эта комбинация собирается на основе имеющегося под рукой культурного репертуара социальных актов и значений (сил иллюкуции) и принимает форму с помощью какого-то набора дискурсивных (и шире – экспрессивных) средств [Harré: 30]. Нина Александровна стремительно переключается от житейской позиции к политической (и наоборот). За этими ситуативными версиями «я» маячат то рутины интеллигентной жизни с ее ценностями информационно насыщенного общения, то Кодекс строителя коммунизма. Предмет моего интереса – если описывать его на языке Харре – это реализация идеологически маркированной позиции (в ее связи с имеющимся в советской культуре репертуаром дискурсивной мобилизации) через характерный интонационный строй. В параде переключений, произошедших за две минуты, мы можем различить не только стратегическое сходство двух базовых позиций, но и тонкие нюансы их освоения в диапазонах громче – тише, жестче – мягче, ироничнее – тревожнее

и т.д. Харре было важно противопоставить градацию позиционирования, пребывающего в вечном становлении, мертвенному монолиту теории ролей. Примечательной представляется сама способность Нины Александровны – и, как я покажу ниже, не только ее – осуществлять интонационный менеджмент, по мере необходимости усиливая или ослабляя меру своей идеологической мобилизации, а то и вообще переключаясь в регистр повседневности.

В аудиокolleкции «Репортаж» мне удалось обнаружить несколько записей, где зафиксированы разные тактики интонационного менеджмента, используемого в ситуации идеологической мобилизации. Так, например, воспоминания бригадира первой женской тракторной бригады, сформированной в начале войны, датированы 1941 г., но записаны значительно позже. У Дарьи Матвеевны Гармаш певучий, мелодичный голос с мягкими перепадами и округлой интонацией. Дарья Матвеевна задумчиво рассказывает о том, как создавали девичьи бригады и сэкономили горючее. Не рапортует, а именно рассказывает и вспоминает. В результате возникает ощущение, что мобилизованная интонация плохо совместима с режимом повествования¹. Однако в те моменты, когда бригадир говорит об идеологически на-

¹ Хотя это ощущение исчезает бесследно после знакомства с выступлением летчицы Полины Осипенко перед своими односельчанами в деревне Новоспасовка (1938 г.) (доступ по ссылке: <http://reportage.su/audio/197>). Полина Денисовна решительно и столь яростно – до хрипоты – выкрикивает в уши дорогих земляков рассказ о героическом перелете самолета «Родина», что опровергает бенвенистовское разделение нарратива и дискурса, равно как и остивновское различие констатива и перформатива.

груженных событиях и реалиях, – упоминает о политотделе, распространении соревнования, победе и новых обязательствах (каждые 7 дней отдавать фронту горячее), – ее тон и манера почти неуловимо меняются. Едва заметно Гармаш начинает чеканить, отбивать дробь и совсем немного рокотать буквой «р».

Если в речи бригадира механизаторов различима ослабленная, пунктирная интонационная мобилизация, определенно привязанная к топосам идеологии, то в записи выступления актрисы и парторга Художественного театра Ангелины Степановой сталкиваются два интонационных – а вместе с тем и дискурсивных – режима. В речи, произнесенной в 1968 г. во время событий в Чехословакии и посвященной этим событиям [1], мхатовская интонация вступает в непростые отношения с исполнением идеологии. Аура театральной речи сохраняется и определяет общий интонационный рисунок, пока актриса вспоминает о поездке в дружественную страну. Однако на руладе «помочь чехословацкому народу избавиться от того влияния буржуазной пропаганды, которой заражена часть интеллигенции», МХАТ не выдерживает конкуренции с ЦК. Степанова произносит эти слова плоско, без затейливого распределения смысловых ударений по всей фразе

и старорежимных обертонов – всецело мобилизованным голосом.

Летчица Марина Попович на Голубом огоньке 1966 г. [13] и доярка Любовь Никиткина [7] в радиопередаче 1984 г. интонационно обыгрывают атмосферу мягкого энтузиазма, раскованно сокращают расстояние до собеседника и сказанного, расширяют и субъективно насыщают эмоциональную палитру речи. Словом, используют звуковые фигуры, существенно отличающиеся от монолитного интонационного строя, различного в женских публичных выступлениях 1930–1950х гг.¹ Однако для усиления феминистского импульса или доказательства безупречной организации сельского хозяйства ироничная летчица и улыбчивая доярка умело включают строгий тон, демонстрируя на какое-то мгновение жесткий идейно-интонационный каркас солнечных голосов эпохи позднего социализма.

После голосов. Вместо заключения

Когда в обращении БРСМ я выделила из ряда чтецов строгую девушку, значение имело не столько то, какой текст она произносит – ибо были места и посильнее начала, – сколько то, как она использует свой голос для исполнения идеологии. Обнаружив в фо-

¹ О глобальном тренде демократизации голоса, проявляющемся в послевоенный период в новых паттернах вокализации – снижении громкости, распространении эмоционально нейтральных форматов исполнения (в том числе на немецком материале) пишет О. Булгакова [Булгакова].

нологическом архиве советской эпохи сопоставимые интонационно-прагматические узоры, я задумалась о том, как концептуализировать это сходство. Выявив и описав интонационный менеджмент, возникающий в ситуации мобилизации и обеспечивающий ее необходимыми средствами, я показала, что мобилизованная интонация включена в дискурсивный репертуар (советских) женщин и может ими более или менее инструментально использоваться. Что дальше?

Не составит особого труда описать этот материал с помощью концептуального аппарата дискурс-анализа, кивнув, например, в сторону порядка дискурса, социологически трактуемого Н. Фэркло как семиотическое расширение социального порядка [Fairclough: 233]. Вот только в этом случае мы потеряем своеобразие интонирования, вернув его в плавающий котел практических способов использования языка. Быть может, тогда Бахтин?

Для работы с наиболее устойчивыми и существенными интонациями, практикуемыми социальной группой вне зависимости от ее масштаба, Бахтин предложил термин «интонационный фонд» [Бахтин 1986б: 387]. При ближайшем рассмотрении фонд оказывается репертуаром «эмоционально-ценностных отношений», реализуемых с помощью тона. Бахтин полагает, что «такие речевые явления, как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования), угро-

зы, хвалы, порицания, брань, проклятия, благословления», «связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т.д.» [Бахтин 1986б: 390]. Эта относительная семантическая автономия интонации и устойчивость ее паттернов делают интонационные порядки и режимы интересными для социального исследователя. Примечательно, что список речевых жанров, через которые Бахтин характеризует состав интонационного фонда, начинается с лидеров советской публичной речи.

Однако в ситуации интонационной мобилизации, которую я постаралась описать в своем тексте, различия между воззваниями, обращениями, рапортами, обличениями стираются (при том, что лексически, синтаксически и экспрессивно это – разные речевые формы и социальные действия). Можно предположить, что вместо многообразия коммуникативных отношений, о которых писал Бахтин, на первый план в качестве базового оператора выходят отношения инвестируемой власти – мобилизации. И сами публичные речевые действия, исполняемые громко, чеканно, ритмично, рокочуще, направлены преимущественно на мобилизацию масс. Не исключено, что нивелирование интонационных различий отдельных речевых жанров и формирование устойчиво воспроизводимых паттернов вокализации сле-

дует рассматривать в качестве дискурсивного измерения тоталитарной коммуникации¹ и одного из фоновых механизмов усиления авторитарных тенденций в обществе. Очевидно, эта генерализация интонации должна найти отражение в усложнении архитектуры интонационного фонда.

Работу в этом направлении начал Борис Гаспаров. Он описал поколенческие различия в мелодике бытового речевого поведения из перспективы семиотики устной речи. Исследователя интересовал наиболее общий и наименее осознаваемый план звучания, не зависимый от «звукового наполнения отдельных слов и интонационной характеристики конкретных синтаксических единиц» [Гаспаров: 25]. Используя для фонологического анализа записи и радиоголоса, он описал два типа мелодики в речи советских людей конца 1970-х гг., связав их «почти исключительно с возрастом гово-

рящего» и с возрастом языка [Гаспаров: 27, 30]. Мелодику старшего – еще дореволюционного – поколения он охарактеризовал в категориях густоты, полноты, интонационной плавности, большей свободы интонирования, а мелодику пореволюционного – в категориях пустоты, более высоких тонов, неустойчивости, большей напряженности и унисонного пения [Гаспаров].

Сквозь эту категоризацию проступает оценка автором не только интонационного, но и социального порядка, в рамках которого эта интонация воспроизводится и которой она закрепляет. Анализ интонационных режимов обретает, таким образом, более или менее проявленное политическое измерение. Да и как иначе, если сходства в рисунке вокализации можно различить в речи пламенной женщины-коммуниста (в 1951 г. в СССР она выбивает словом безупречный моральный профиль депута-

¹ О тоталитарной коммуникации из перспективы антропологии тоталитарных обществ, использующей аналитический аппарат и некоторые эпистемологические установки коммуникативистики, пишет К. Постоутенко. Он предлагает рассматривать тоталитарную коммуникацию как специфический формат взаимодействия, находящийся в непрямых отношениях с политическим режимом, но способствующий воспроизводству и поддержанию авторитарных тенденций. Мой материал не очень хорошо ложится на конкретные характеристики тоталитарной коммуникации, выделенные Постоутенко (в том числе невозможность смены социальных ролей, необратимость коммуникативных ритуалов и невозможность ремонта поломок, случившихся в политической коммуникации) [Postoutenko]. Но мобилизованная интонация, нейтрализующая разнообразие узоров и нюансов вокализации в публичной политической речи, может быть рассмотрена как одно из проявлений стабилизированных сценариев и замороженных фреймов, через который тоталитарная коммуникация осуществляется. Однако – и я это постаралась показать, описывая интонационный менеджмент, – стабилизация интонации не означает замораживания коммуникативного паттерна в целом и может сосуществовать, например, с гибкостью позиционирования.

та) [9], белорусской комсомолки (в 2011 г. в Республике Беларусь она обращается к международному сообществу в ситуации санкций) и, например, Ирины Яровой (она воспроизводит знакомые фигуры звука, говоря о служении России, миссии политика, политических авантюрах и врагах)? Мобилизация интонации продолжается.

Литература

- Артемов, В.А. Спектральный анализ звуков речи и интонация. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Артемьева, Л.С. Международная научная конференция «Чтения по советской культуре» // Новое литературное обозрение. 2008. № 92. С. 413–415.
- Бахтин, М.М. Автор и его герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / Сост. С. Бочагов, В. Кожин. М.: Художественная литература, 1986а. С. 5–26.
- Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986б. С. 381–393.
- Булгакова, О. Голос как культурный феномен. М.: НЛО, 2015.
- Гаспаров, Б.М. О некоторых тенденциях развития мелодики русской речи // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1979. Вып. 481. Семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика II. С. 25–47.
- Рис, Н. Русские разговоры: культура речи и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Biemans, M. (2000). *Gender variation in voice quality*. PhD thesis. Netherlands Graduate School of Linguistics. Amsterdam.
- Bladon, R., Henton, C., Pickering, J. (1984). Towards an auditory theory of speaker normalization. *Language and Communication*, 4(1), 59–69.
- Cameron, D. (1997). Theoretical debates in feminist linguistics: Questions of sex and gender. In R. Wodak (Ed.) *Gender and discourse*. L.: SAGE, 21–36.
- Cavarero, A. (2005). *For more than one voice: Toward a philosophy of vocal expression*. Stanford: Stanford University Press.
- Cixous, H (1986). *Entre l'écriture*. Paris: Des Femmes.
- Coates J. (2013). *Women, men and everyday talk*. Springer.
- Coates, J. (2015). *Women, men and language: A sociolinguistic account of gender differences in language*. L.: Routledge.
- Cusick, S. (1999). On Musical Performances of Gender and Sex. In E. Barkin and L. Hamessley (Eds) *Audible Traces: Gender, Identity, and Music*. Zurich: Carciofoli, 25–49.
- Dolar, M. (2006). *A voice and nothing more*. MIT press.
- Dunn, L., Jones, N. (Eds.) (1996). *Embodied voices: Representing female vocality in Western culture*. Cambridge: Cambridge University Press.

Eidsheim, N. (2015). *Sensing sound: Singing and listening as vibrational practice*. Durham: Duke University Press.

Fairclough, N. (2001). The dialectics of discourse. *Textus*, 14(2), 231–242.

Fisher, L. (2010). Feminist phenomenological voices. *Continental Philosophy Review*, 43(1), 83–95.

Furman, N. (2003). The politics of language: beyond the gender principle? In G. Green, C. Kahn (Eds.) *Making a Difference*. L.: Routledge, 72–92.

Gal, S. (1991). Between speech and silence. In M. di Leonardo (Ed.) *Gender at the crossroads of knowledge: Feminist anthropology in the postmodern era*. University of California Press, 175–203.

Harré, R. (2008). Positioning theory. *Self-Care, Dependent Care and Nursing*, 16(1), 28–32.

Johnson, K. (2005). Speaker Normalization in Speech Perception. In D. Pisoni, R. Remez (Eds.) *The handbook of speech perception*. Oxford: Blackwell, 363–388.

Moi, T. (2002). *Sexual / textual politics: Feminist literary theory*. Psychology Press.

Peters, J. (2004). The Voice and Modern Media. In D. Kolesch and J. Schro (Eds.) *Kunst-Stimmen*. Berlin: Theater der Zeit, 85–101. Retrieved from: https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=comms_tud_pubs (date of access 07.05.17).

Postoutenko, K. (2010). Prolegomena to study totalitarian communication. In K Postoutenko

(Ed.). *Totalitarian communication: hierarchies, codes and messages*. Bielefeld: Verlag, 11–40.

Schlichter, A. (2011). Do voices matter? Vocality, materiality, gender performativity. *Body and Society*, 17(1), 31–52.

Wodak, R. (1997). Some important issues in the research of gender and discourse. In Wodak R. (ed.) *Gender and Discourse*. L.: SAGE, 1–20.

Электронные источники

1. Ангелина Степанова – о событиях в Чехословакии. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1968. URL: <http://reportage.su/audio/4097>.

2. Аудиоархив «Репортаж» (проект «Аудиопедия»). URL: <http://reportage.su/about>.

3. Аудиоархив «Старое радио» (проект «Аудиопедия»). URL: <http://www.staroeradio.ru/about>.

4. БРСМ открытое обращение с субтитрами (Вот таким должно было бы быть обращение БРСМ). 1 апреля 2011 г. [Видеозапись]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9a7wf9-Az2Y>.

5. Выступает Ивановская ткачиха Клава Сахарова. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1935. URL: <http://reportage.su/audio/547>.

6. Выступление работницы завода «Авиаприбор». Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1937. URL: <http://reportage.su/audio/164>.

7. Говорит доярка колхоза им. Ленина Тульской области Л. Никиткина. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1984. URL: <http://reportage.su/audio/1387>.

8. Говорит Паша Ангелина – создатель первой в СССР тракторной бригады. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1940. URL: <http://reportage.su/audio/205>.

9. Женщина-коммунистка о Сталине. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1951. URL: <http://reportage.su/audio/463>.

10. Из речи женщины о партии и Сталине. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1949. URL: <http://reportage.su/audio/454>.

11. Коллонтай А. Из речи. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1917. URL: <http://reportage.su/audio/32>.

12. Крупская Н. Воспоминания о Ленине. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1930. URL: <http://reportage.su/audio/86>.

13. Летчица Марина Попович поздравляет женщин с 8 Марта. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1966. URL: <http://reportage.su/audio/2135>.

14. Обращение БРСМ в озвучке ONN (не принимать всерьез). 5 апреля 2011 г. [Видеозапись]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wxYOikShBa0>.

15. Осипенко. Из речи летчицы перед односельчанами села Новоспасовка. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1938. URL: <http://reportage.su/audio/197>.

16. Открытое обращение Белорусского

республиканского союза молодежи в связи с международной обстановкой. 30 марта 2011 г. [Видеозапись]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=O_BrJHu0OpQ.

17. Первый съезд писателей – выступает Лидия Сейфулина. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1934. URL: <http://reportage.su/audio/117>.

18. Пионерка Светлана Жильцова выступает на XI съезде комсомола. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1949. URL: <http://reportage.su/audio/3772>.

19. Подвойский Н. Фрагмент речи. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1920. URL: <http://reportage.su/audio/63>.

20. Рассказ строительницы ДнепроГЭС. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1934. URL: <http://reportage.su/audio/136>.

21. Речь оратора на митинге против врагов народа. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1937. URL: <http://reportage.su/audio/179>.

22. Седякина М. Речь простой советской женщины, произнесенная на собрании избирателей Сталинского округа Москвы 11 января 1937 г. Аудиоархив «Репортаж». [Аудиозапись]. 1937. URL: <http://reportage.su/audio/4007>.

References:

Artem'eva, L.S. (2008). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Chteniya po sovetskoj kul'ture" [International conference "Reading on

the Soviet Culture”]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2008, 92, 413–415.

Artemov, V.A. (1969). *Spektral'nyj analiz zvukov rechi i intonaciya* [Spectral analysis of speech sounds and intonation]. Moscow: MGU, 1969.

Bakhtin, M.M. (1986a). Avtor i geroj v e'steticeskoy deyatelnosti [Author and character in the aesthetic activity]. In Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary criticism articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 5–26.

Bakhtin, M.M. (1986b). K metodologii gumanitarny'kh nauk [Towards methodology of humanities]. In Bakhtin M.M. *E'stetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo, 1986, 381–393.

Biemans, M. (2000). *Gender variation in voice quality*. PhD thesis. Netherlands Graduate School of Linguistics. Amsterdam.

Bladon, R., Henton, C., Pickering, J. (1984). Towards an auditory theory of speaker normalization. *Language and Communication*, 4(1), 59–69.

Bulgakova, O. (2015). *Golos kak kul'turnyj fenomen* [Voice as a cultural phenomenon]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015.

Cameron, D. (1997). Theoretical debates in feminist linguistics: Questions of sex and gender. In R. Wodak (Ed.) *Gender and discourse*. L.: SAGE, 21–36.

Cavarero, A. (2005). *For more than one voice: Toward a philosophy of vocal expression*. Stanford: Stanford University Press.

Cixous, H (1986). *Entre l'écriture*. Paris: Des Femmes.

Coates J. (2013). *Women, men and everyday talk*. Springer.

Coates, J. (2015). *Women, men and language: A sociolinguistic account of gender differences in language*. L.: Routledge.

Cusick, S. (1999). On Musical Performances of Gender and Sex. In E. Barkin and L. Hamessley (Eds) *Audible Traces: Gender, Identity, and Music*. Zurich: Carciofoli, 25–49.

Dolar, M. (2006). *A voice and nothing more*. MIT press.

Dunn, L., Jones, N. (Eds.) (1996). *Embodied voices: Representing female vocalicity in Western culture*. Cambridge: Cambridge University Press.

Eidsheim, N. (2015). *Sensing sound: Singing and listening as vibrational practice*. Durham: Duke University Press.

Fairclough, N. (2001). The dialectics of discourse. *Textus*, 14(2), 231–242.

Fisher, L. (2010). Feminist phenomenological voices. *Continental Philosophy Review*, 43(1), 83–95.

Furman, N. (2003). The politics of language: beyond the gender principle? In G. Green, C. Kahn (Eds.) *Making a Difference*. L.: Routledge, 72–92.

Gal, S. (1991). Between speech and silence. In M. di Leonardo (Ed.) *Gender at the crossroads of knowledge: Feminist anthropology in the postmodern era*. University of California Press, 175–203.

Gasparov, B.M. (1979). O nekotory'kh tendenciakh razvitiya melodiki russkoj rechi [On some tendencies in the Russian speech melody development]. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 481, Semiotika ustnoj rechi. Lingvisticheskaya semantika i semiotika [Semiotics of speech. Linguistic semantics and semiotics], 25–47

Harré, R. (2008). Positioning theory. *Self-Care, Dependent Care and Nursing*, 16(1), 28–32.

Johnson, K. (2005). Speaker Normalization in Speech Perception. In D. Pisoni, R. Remez (Eds.) *The handbook of speech perception*. Oxford: Blackwell, 363–388.

Moi, T. (2002). *Sexual / textual politics: Feminist literary theory*. Psychology Press.

Peters, J. (2004). The Voice and Modern Media. In D. Kolesch and J. Schro (Eds.) *Kunst-Stimmen*. Berlin: Theater der Zeit, 85–101. Retrieved from: https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=comms_tud_pubs (date of access 07.05.17).

Postoutenko, K. (2010). Prolegomena to study totalitarian communication. In K. Postoutenko (Ed.). *Totalitarian communication: hierarchies, codes and messages*. Bielefeld: Verlag, 11–40.

Ries, N. (2005). *Russkie razgovory': kul'tura rechi i rechevaya povsednevnost' e'pokhi perestrojki* [Russian Talk, Culture and Conversation during Perestroika]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye [in English].

Schlichter, A. (2011). Do voices matter? Vo-

cality, materiality, gender performativity. *Body and Society*, 17(1), 31–52.

Wodak, R. (1997). Some important issues in the research of gender and discourse. In Wodak R. (ed.) *Gender and Discourse*. L.: SAGE, 1–20.

Electronic resources

1. Angelina Stepanova – o sobytiyakh v Chekhoslovakii [Angelina Stepanova – on the events in Czechoslovakia]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1968. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/4097>.

2. Audio archive «Reportage» (project “Audiopedia”). Retrieved from: <http://reportage.su/about>.

3. Audio archive «Staroye radio» (project “Audiopedia”). Retrieved from: <http://www.staroradio.ru/about>.

4. BRSM otkrytoye obrashcheniye s subtitrami (Vot takim dolzhno bylo by byt' obrashcheniye BRSM) [Belarusian Republican Youth Union public message with subtitles (This is what the BRYU message should have been like)]. April, 1st, 2011. [Video]. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=9a7wf9-Az2Y>.

5. Vystupayet Ivanovskaya tkachikha Klava Sakharova [Public speech by Klava Sakharova, a weaver from Ivanovo]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1935. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/547>.

6. Vystupeniye rabotnitsy zavoda «Aviapribor» [Public speech by a woman worker of the «Aviapribor» factory]. Audio

archive «Reportage». [Audio]. 1937. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/164>.

7. Govorit doyarika kolkhoza im. Lenina Tul'skoy oblasti L. Nikitkina. [A speech of a dairymaid of Lenin collective farm in Tula Oblast, L. Nikitkina]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1984. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/1387>.

8. Govorit Pasha Angelina – sozdatel' pervoy v SSSR traktornoy brigady [A speech of Pasha Angelina – the founder of the first tractor crew in the USSR]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1940. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/205>.

9. Zhenshchina-kommunistka o Staline [A woman communist speaks about Stalin]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1951. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/463>.

10. Iz rechi zhenshchiny o partii i Staline [A part of a woman's speech about Stalin and the party]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1949. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/454>.

11. Kollontay A. Iz rechi [Kollontay A. A fragment from public speech]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1917. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/32>.

12. Krupskaya N. Vospominaniya o Lenine [Krupskaya N. Memories about Lenin]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1930. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/86>.

13. Letchitsa Marina Popovich pozdravlyayet zhenshchin s 8 Marta [Woman

pilot Marina Popovich congratulates women on the International Women's Day]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1966. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/2135>.

14. Obrashcheniye BRSM v ozvuchke ONN (ne prinimat' vser'yez) [Belarusian Republican Youth Union public message dubbed by ONN (not to be taken seriously)]. April, 5th, 2011. [Video]. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=wxYOikShBa0>.

15. Osipenko. Iz rechi letchitsy pered odnosel'chanami sela Novospasovka [Osipenko. A part of the woman pilot's speech to her fellow-villagers of Novospasovka]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1938. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/197>.

16. Otkrytoye obrashcheniye Belorusskogo respublikanskogo soyuza molodezhi v svyazi s mezhdunarodnoy obstanovkoy [Belarusian Republican Youth Union public message on account of the current international situation]. March, 30th, 2011. [Video]. Retrieved from: https://www.youtube.com/watch?v=O_BrJHu0OpQ.

17. Pervyy s'yezd pisateley – vystupayet Lidiya Seyfulina [The First Congress of Writers – public speech by Lidiya Seyfulina]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1934. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/117>.

18. Pionerka Svetlana Zhil'tsova vystupayet na XI s'yезде komsomola [Woman pioneer Svetlana Zhil'tsova makes a public speech during the XI Komsomol congress]. Audio

archive «Reportage». [Audio]. 1949. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/3772>.

19. Podvoyskiy N. Fragment rechi [Podvoyskiy N. A fragment from a speech]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1920. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/63>.

20. Rasskaz stroitel'nitsy DneproGES [A woman builder of Dnieper Hydroelectric Station talking]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1934. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/136>.

21. Rech' oratora na mitinge protiv vragov naroda [A speech made during a

demonstration against public enemies]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1937. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/179>.

22. Sedyakina M. Rech' prostoy sovetskoy zhenshchiny, proiznesennaya na sobranii izbirateley Stalinskogo okruga Moskvyy 11 yanvary 1937 g. [Sedyakina M. A public speech made by a common Soviet woman during a meeting of voters of Stalinskiy district of Moscow on January, 11th, 1937]. Audio archive «Reportage». [Audio]. 1937. Retrieved from: <http://reportage.su/audio/4007>.

MOBILIZED INTONATION

Galina A. Orlova, candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Academy of Psychology and Pedagogy at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), associate professor of the Department of Social Sciences at European Humanities University (Vilnius, Lithuania), the head of the Obninsk digital project; e-mail: galina.orlova@ehu.lt

Abstract. In the article performances of ideology mobilizing through intonation and, more broadly, through “sound figures” (Eidshiem), are described. The author finds prosodic similarities of the three women’s voices recorded in 2008 – 2011 with the intonations of the Soviet political speech from the phonological archive of the Soviet time. She shows how an imaginary relation to the real conditions of existence can be realized not only lexically, grammatically, syntactically, but also through the use of voice – vocality (Dunn, Johnes). Following the interpretation of voice as a hybrid – both corporeal and discursive – phenomenon (Cusick, Dolar, Schlichter), the author suggests that in the performance of ideology, the female voice has its own – melodic – party. The issue for a special analysis is intonational management – switching of intonation modes in communication. The abolition of prosodic and – broader – melodic differences between genres of public speech under the onslaught of mobilized intonation is interpreted as a marker of totalitarian communication and as one of the background practices for strengthening authoritarian tendencies. To describe the modes of intoning, shared by a social group, the concept of “intonation fund” is used (Bakhtin).

Key words: (woman) voice, intonation, figure of sound, vocality, mobilized intonation, ideological performance, intonational management, intonational fund.

